

Мышленіе, какъ объективно обусловленный про- цессъ.

Появившееся недавно въ русскомъ переводѣ сочиненіе Липпса «Основы Логики»¹⁾ представляетъ весьма своеобразную переработку традиционнаго изложенія логики. По чрезвычайной продуманности высказанныхъ взглядовъ, по мѣткости и классической краткости логическихъ определеній, сочиненіе Липпса нельзя не признать чрезвычайно цѣннымъ и интереснымъ трудомъ. Значеніе его увеличивается еще и тѣмъ, что въ своихъ воззрѣніяхъ Липпсъ является вполнѣ самостоятельнымъ и, насколько это возможно въ современной логикѣ, весьма оригинальнымъ мыслителемъ. Въ настоящей статьѣ мы предполагаемъ отмѣтить наиболѣе важные и оригинальные пункты теоріи Липпса и выяснить ея гносеологическое значеніе.

Въ основаніи всего изслѣдованія Липпса лежитъ одинъ общий принципъ, проведенный съ чрезвычайной послѣдовательностью во всѣхъ отдѣлахъ его труда. Принципъ этотъ—*объективная необходимость*, царящая въ процессахъ познанія и составляющая сущность мышленія, какъ особой психической дѣятельности. Исходнымъ пунктомъ мышленія и познанія Липпсъ признаетъ простую наличность какихъ бы то ни было состояній или *объектовъ* сознанія. Въ этомъ существованіи объектовъ сознанія и состоитъ опытъ въ широкомъ смыслѣ слова. Знаніе есть приведеніе объектовъ сознанія въ объективно-необходимую связь. Подъ объективно-необходимой связью слѣдуетъ разумѣть по Липпсу такое соединеніе элементовъ знанія, которое обусловли-

---

1) Т. Липпсъ «Основы Логики», переводъ Н. О. Лосскаго. Изд. О. Н. Поповой. Образовательная библиотека. Серія IV. №№ 7 и 8. Спб. 1902 г.

вается самими объектами, т.-е. ихъ бытіемъ и природою. Соответственно этому мышление, какъ психическая дѣятельность, приводящая къ знанію, есть объективно обусловленный процессъ представлениія (*objectiv bedingtes Vorstellen*). Задача мышленія ограничивалась бы приведеніемъ въ объективно-необходимый порядокъ содержанія нашего опыта, если бы въ сферѣ этого содержанія мышление могло быть свободно отъ противорѣчій. Но въ дѣйствительности непосредственная данность сознанія, или опытъ, неизбѣжно приводитъ мышление къ противорѣчіямъ, не допускающимъ осуществленія объективно-необходимаго порядка. Для освобожденія отъ этихъ противорѣчій необходимо дополненіе опыта, необходимо примышленіе объектовъ, непосредственно въ опытѣ не данныхъ. Съ этой точки зрењія мышление характеризуется Липпсомъ, «какъ дополненіе» непосредственно данного. Дополненіе это производится ради установленія объективно-необходимаго порядка. Конечной задачей мышленія является умственное твореніе такого «мира, въ который непосредственно данное можетъ быть включено съ сознаніемъ его необходимости» (стр. 5). Выясняя значеніе мышленія, какъ дополненія, Липпсъ чрезвычайно удачно отговариваетъ творческій характеръ мышленія и познанія, обыкновенно ускользающей въ анализѣ логическихъ формъ. Познаніе, съ точки зрењія Липпса, не есть неизбѣжный выводъ изъ данного, но скорѣе догадка о томъ, что наиболѣе соответствуетъ этому данному. Лишь насколько это наиболѣе соответствующее есть нѣчто единственно возможное, познавательный процессъ имѣетъ неизбѣжное и какъ бы предопределеннное развитіе. Липпсъ подраздѣляетъ знаніе на *формальное и материальное*. Формальное знаніе состоитъ въ установлении объективно-необходимой связи между представлениіями, независимо отъ вопроса о дѣйствительномъ ихъ существованіи. Сюда относится, напримѣръ, все геометрическое познаніе. Наоборотъ, въ материальномъ знаніи существенную роль играетъ сознаніе объективной дѣйствительности представляемаго. Первый видъ знанія даетъ отвѣтъ на вопросъ, какъ *вообще* объекты должны быть представляемы, второй опредѣляетъ объекты съ точки зрењія ихъ дѣйствительного существованія. Различие формального и материального проводится Липпсомъ по отношенію ко всѣмъ формамъ мышленія. Различие это совпадаетъ съ противоположностью формального и эмпирическаго направленія въ ло-

гикъ, но предполагая необходимость какъ той, такъ и другой точки зрѣнія, примиряетъ эту противоположность.

Основною формою мышленія въ логикѣ Липпса является сужденіе. Сужденіе есть «сознаніе объективной необходимости сосуществованія или порядка предметовъ сознанія». Сущность этой объективной необходимости состоитъ въ невозможности замѣнить въ сужденіи «*S* есть *P*» предикатъ *P* предикатомъ не-*P*, разумѣя подъ этимъ послѣднимъ такой объектъ сознанія, который не можетъ быть присоединенъ къ *S* безъ того, чтобы этимъ не было устранио однородное и одновременное присоединеніе *P* къ тому же *S*. Объективно-необходимая связь сужденія состоитъ не въ обязательности соединенія *S* и *P*, а въ невозможности замѣны предиката *P* ему противорѣчащимъ: «не-*P*». Такова сущность формальныхъ сужденій. Въ материальныхъ сужденіяхъ объективная необходимость связи имѣеть условный характеръ,—она существуетъ лишь постольку, поскольку *S* и *P* мы слышатся, какъ объективно существующія. Устанавливаемое Липпсомъ определеніе объективно-необходимой связи въ сужденіи предполагаетъ въ основѣ всякаго утвердительного сужденія «*S* есть *P*» другое логически идентичное: «*S* не есть не-*P*». Въ этой послѣдней форме и выражается по Липпсу истинная природа сужденія, какъ сознанія объективно-необходимой связи. Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія Липпса въ каждомъ утвердительномъ сужденіи осуществляется тотъ законъ мышленія, который введенъ въ логику Зигвартомъ подъ названіемъ закона двойного отрицанія. Исходя въ своемъ определеніи сущности объективно-необходимой связи изъ отрицательной формы сужденія, Липпсъ какъ бы устанавливаетъ логической приматъ отрицанія. Искусственность такого определенія является тѣмъ менѣе понятной, что въ другомъ мѣстѣ, а именно въ главѣ о качествѣ сужденій Липпсъ признаетъ утвердительную и отрицательную форму вполнѣ равноправными и взаимно-предполагающими другъ друга. «Въ утвержденіи и отрицаніи,—говоритъ Липпсъ,—выражается сознаніе различныхъ сторонъ одного и того же психического состоянія. Это состояніе, какъ таковое, само собою разумѣется, имѣетъ положительный характеръ. Оно заключается, можемъ мы сказать вообще, въ такомъ отношеніи объектовъ, которое дѣлаетъ объективно необходимою определенную форму теченія представленій. Это теченіе представленій есть всегда

обращеніе къ опредѣленному объекту и, слѣдовательно, всегда въ то же время необходимое отклоненіе отъ другихъ объектовъ» (41). Казалось бы, что съ такой точки зрењія положительная сторона объективно-необходимой связи является столь же первоначальной, какъ и отрицательная и нуждается въ послѣдней лишь для всесторонняго выясненія своей природы, но не для обоснованія.

Виды сужденій, различные оттѣнки связи субъекта и предиката разсматриваются Липпсомъ съ чрезвычайною подробностью и отчетливостью. Въ этой области Липпсъ устанавливаетъ множество совершенно новыхъ подраздѣленій и соотношеній, отмѣчаетъ весьма своеобразныя формы мысли, вообще доводитъ анализъ логическихъ отношеній до наиболѣе тонкихъ и трудно уловимыхъ отличій. Простѣйшей формой сужденія является сужденіе безъ субъекта, или экзистенциальное сужденіе. Это сужденіе есть простой актъ признанія представляемаго объекта. Въ сущности всякое воспріятіе или воспоминаніе заключаетъ въ себѣ простое экзистенциальное сужденіе, пока объектъ воспріятія или воспоминанія не приведенъ въ связь съ какими-либо другими объектами. Экзистенциальное сужденіе есть самое примитивное рѣшеніе о бытіи или небытіи объекта. Всякое полное материальное сужденіе необходимо предполагаетъ простыя экзистенциальныя сужденія, утверждающія бытіе всѣхъ его элементовъ. По выдѣленіи изъ него этихъ сужденій въ немъ остается лишь формальная связь субъекта и предиката. Такимъ образомъ всякое полное материальное сужденіе представляетъ сочетаніе формального и экзистенциальныхъ сужденій. Экзистенциальное сужденіе, касающееся не какихъ-либо отдельныхъ объектовъ, а общей связи объективной дѣйствительности, Липпсъ называетъ абсолютнымъ экзистенциальнымъ сужденіемъ. Это сужденіе имѣетъ значеніе не при какомъ-либо условіи, а абсолютно. Кроме различія формальныхъ и материальныхъ сужденій, Липпсъ устанавливаетъ основное подраздѣленіе всѣхъ сужденій на *объективные* и *субъективные*. Подраздѣленіе это является для Липпса весьма трудной задачей, если принять въ расчетъ его опредѣленіе логической связи, какъ объективно-необходимой. Казалось бы, что признаніе Липпсомъ субъективныхъ сужденій должно стать въ противорѣчіе съ основнымъ принципомъ его логики. Однако такого противорѣчія въ дѣйствительности нѣтъ. Необходимо имѣть

въ виду, что опредѣляя мышленіе какъ объективно-обусловленный процессъ, Липпсъ понимаетъ эту обусловленность не въ абсолютномъ, но лишь въ относительномъ смыслѣ. Мысленіе должно быть обусловлено объектами непосредственного сознанія, но эта обусловленность *не исключаетъ* и субъективного воздействиа на устанавливаемый объективно-необходимый порядокъ. Это субъективное воздействиа, поскольку оно подчиняется общей законосообразности мысленія, а также не нарушаетъ требованій объективно-необходимаго порядка, и дѣлаетъ возможнымъ существование особой категоріи сужденій, называемыхъ Липпсомъ субъективными. Содержаниемъ объективныхъ сужденій служитъ сознаніе объективной необходимости того «порядка, въ который вступаютъ сами объекты, такъ что для возникновенія его не нужно никакой особенной направленной на объекты дѣятельности субъекта кромѣ самого акта представленія». Въ субъективныхъ сужденіяхъ «мы сами приводимъ объекты въ порядокъ, т.-е. дѣлаемъ ихъ предметомъ присоединяющейся къ нимъ упорядочивающей или соотносящей дѣятельности соединенія, раздѣленія, сравненія, различенія». Объективный порядокъ *даютъ себѣ* объекты, субъективный *создаемъ* мы сами. «При этомъ,— добавляетъ Липпсъ,— сознаніе объективной необходимости, следовательно, субъективное сужленіе состоитъ въ сознаніи, что въ этой самой по себѣ свободной дѣятельности мы все же связаны объектами»¹⁾ (стр. 92). Это послѣднее указаніе является крайне важнымъ для опредѣленія субъективныхъ сужденій, какъ подчинающее эту форму мысленія основному принципу логики: объективной обусловленности. Къ объективнымъ сужденіямъ относятся сужденія о пространствѣ, о времени, о качествѣ. Субъективные сужденія подраздѣляются на двѣ категоріи: 1) соединяющія и раздѣляющія, 2) сравнивающія сужденія. Въ сужденіяхъ первой категоріи мы сознаемъ себя объективно принужденными къ дѣятельности соединенія и раздѣленія, при чемъ принужденіе это исходитъ не отъ самихъ предметовъ, понимаемыхъ, какъ сложность или единство, а отъ другихъ объектовъ, приводимыхъ съ ними въ ту или иную связь. Въ сравнивающихъ сужденіяхъ актъ сравненія зависитъ отъ нашего свободного решенія, и результатъ его опредѣляется свойствами сравниваемыхъ

---

1) Курсивъ нашъ.

объектовъ. Субъективные категории—единство, единичность, тожество, равенство, сходство, и имъ противоположны—отличаются отъ объективныхъ тѣмъ, что ими не обозначаются каки-либо свойства или признаки объектовъ, но лишь отношение къ упорядочивающей дѣятельности субъекта.

Основаніемъ всѣхъ сужденій служить опытъ и законы духовной жизни. Опытъ является основаніемъ сужденій въ той мѣрѣ, въ какой онъ обусловливаетъ объективную необходимость представлений и ихъ связи. Восприятія, воспоминанія, ассоціаціи являются послѣдовательными ступенями обусловливающаго опыта. Сужденія, обоснованныя опытомъ, Липпсъ называетъ *апостеріорными*. На ряду съ ними существуютъ *апріорные* сужденія, въ которыхъ, какъ и во всякомъ сужденіи, содержаніемъ служатъ объекты опыта, «но основаніе того, что дѣлаетъ ихъ сужденіями, т.-е. сознаніе объективной необходимости сочетанія представлений, находится лишь въ законахъ духовной дѣятельности» (181). Но такъ какъ всякое состояніе сознанія въ томъ или иномъ смыслѣ обусловлено законами духовной жизни, тоaprіорность, въ той или иной степени, слѣдуетъ признать присущей всѣмъ сужденіямъ. Наименьшую степенью апріорности обладаютъ объективные формальные сужденія о качествѣ. Сужденія эти наиболѣе обусловлены опытомъ. Такъ, напр., наши сужденія о тонѣ нуждаются въ предварительныхъ слуховыхъ восприятіяхъ. Однако разъ получивши такія восприятія, мы можемъ высказывать затѣмъ относительно ихъ такія сужденія, основаніемъ, которыхъ будетъ служить лишь общая законосообразность нашего представлінія. Таково, напр., сужденіе: «тоны всегда вполнѣ опредѣляются своею высотой, силой и тембромъ». Это сужденіе апріорно, поскольку для построенія его не нужно наблюденія отдѣльныхъ тоновъ. Такую апріорность Липпсъ называетъ условною или производною апріорностью. Такою же степенью апріорности обладаютъ формальные сужденія о пространствѣ. Гораздо большую апріорность находитъ Липпсъ въ формальныхъ сужденіяхъ о времени. Необходимость временнаго порядка совершенно не зависитъ отъ тѣхъ или иныхъ особенностей нашего опыта. Она связана съ природою нашего духа, поскольку онъ вообще представляеть. Въ этомъ смыслѣ она дана чисто, a priori. Безусловною апріорностью отличаются субъективные, именно, сравнивающія сужденія. Они основываются уже не на зако-

носообразности представлений, а на законосообразности нашего субъективного упорядочивания представляемыхъ объектовъ. Суждение: «Красный и голубой цветъ не похожи другъ на друга»—въ сущности не имѣетъ дѣла съ качествами этихъ цветовъ, но лишь съ тѣмъ опредѣленнымъ мысленнымъ отношеніемъ, въ которое эти свойства должны быть поставлены. А такъ какъ это мысленное отношеніе всецѣло вытекаетъ изъ природы нашего духа и вовсе не требуется свойствами воспріятій краснаго и голубого, то приведенное суждение и должно быть признано безусловноaprіорнымъ.

Несмотря на большое остроуміе и чрезвычайную тонкость логического анализа, обнаруживаемаго Липпсомъ въ его теоріи субъективныхъ и объективныхъ суждений, нельзя не признать именно эту часть его труда въ общемъ неудачно разработанной. Основныя подраздѣленія объективного и апостеріорного, съ одной стороны, субъективного и aprіорного—съ другой имѣютъ весьма неопределенное и сбивчивое обоснованіе. Если признавать, какъ это дѣлаетъ Липпсъ, объективные суждения обусловленными не только объектами опыта, но также и законосообразностью представляющей дѣятельности и въ этомъ смыслѣ aprіорными, то въ чемъ же ихъ принципіальное отличие отъ субъективныхъ суждений. Вѣдь отличительнымъ признакомъ этихъ послѣднихъ именно и является субъективное упорядочивание объектовъ. Но присущая духу законосообразность представлений развѣ не состоитъ также въ упорядочиваніи данныхъ опыта или не вліяетъ на это упорядочиваніе прямо или косвенно.

Вообще, поскольку субъективное и aprіорное въ теоріи Липпса являются понятиями самостоятельными и другъ съ другомъ не совпадающими, его основное подраздѣленіе субъективного и объективного теряетъ всякое принципіальное значеніе. Весьма условна также точка зре́нія Липпса на aprіорность, совершенно не соответствующая исторически установленвшемуся смыслу этого понятия. Какъ это было нами выше отмѣчено, aprіорность пространственныхъ и временныхъ суждений Липпсъ признаетъ неодинаковой. По мнѣнію Липпса представление пространства апостеріорно, какъ зависящее не отъ всѣхъ, но лишь отъ опредѣленныхъ воспріятій опыта. Напротивъ, время, какъ всеобщая форма представления, никакъ не зависящая отъ того или иного специфического содержания опыта, обладаетъ, съ точки зре́нія Липпса, чистою

априорностью. Такимъ образомъ критеріемъ априорности является у Липпса въ концѣ-концовъ объемъ опыта, относящейся къ той или иной формѣ законосообразности представленій. Но такой критерій можно было бы установить предварительно доказавши, что степень зависимости формъ представленій отъ опыта обратно пропорциональна сферѣ ихъ приложенія. Но въ дѣйствительности порядокъ времени, относящейся ко всѣмъ безъ исключенія состояніямъ сознанія, можетъ быть, ничуть не менѣе зависитъ отъ природы этихъ состояній, чѣмъ пространство отъ природы однихъ только зрительныхъ, моторныхъ и осознательныхъ ощущеній. Указанная неясность въ теоріи сужденій Липпса объясняется, по нашему мнѣнію, тѣмъ, что общѣ-гносеологическая сторона этого вопроса авторомъ совершенно не разработана. Липпсъ очевидно хотѣлъ дать теорію сужденія, оставаясь на почвѣ строго логического анализа и не пускаясь въ область спорныхъ гносеологическихъ проблемъ. Такая теорія, конечно, была бы возможна, но только вѣнѣ всякаго отношенія къ вопросу о происхожденіи объективной необходимости сужденій изъ пассивной наличности опыта или изъ законосообразной дѣятельности духа. Съ чисто логической точки зрѣнія опытъ и духовная природа познающаго субъекта могутъ рассматриваться лишь какъ нѣкоторое гносеологическое единство. И всѣ подраздѣленія и характеристики логическихъ формъ могутъ производиться лишь въ предположеніи этого единства. Коль скоро же эти формы выводятся изъ пассивно воспринятаго опыта и изъ законовъ познающаго духа, какъ изъ двухъ различныхъ источниковъ, логика впадаетъ въ гносеологический дуализмъ и нуждается въ томъ или иномъ гносеологическомъ обоснованіи принятой ею точки зрѣнія. Но такого обоснованія Липпсъ въ своей логикѣ не даетъ.

Интересна точка зрѣнія Липса на сущность понятія. Содержаниемъ понятій служитъ прежде всего опредѣленное сочетаніе какихъ-либо объектовъ сознанія. Нѣкоторые элементы этого сочетанія должны сознаваться, какъ объективно-необходимые. Для того, чтобы это сознаніе было постояннымъ и независимымъ отъ случайного интереса къ тѣмъ или другимъ элементамъ, оно должно быть закрѣплено какимъ-нибудь внѣшнимъ, по отношенію къ этимъ элементамъ, представлениемъ. Такимъ представлениемъ и является *слово*. Въ каждомъ понятіи именно слово требуетъ присутствія опредѣленныхъ элементовъ и слѣдовательно служитъ

Основаниемъ заключающейся въ понятіи объективной необходимости. Такимъ образомъ сущность понятія выражается въ объективно-необходимой связи слова съ определенными объектами. Но такая связь есть суждение. Въ этомъ суждении слово можетъ быть безразлично или субъектомъ или предикатомъ. Въ первомъ случаѣ суждение будетъ пояснительнымъ, во второмъ—называющимъ. Въ этомъ смыслѣ Липпсъ опредѣляетъ понятіе, какъ потенциальное взаимное суждение (пояснительно-называющее). Признаніе слова или термина существеннымъ элементомъ понятія является въ логикѣ далеко не новымъ, а для англійскихъ авторовъ даже обычнымъ взглядомъ. Но у Липпса этотъ взглядъ получаетъ особый интересъ въ связи съ принципомъ объективной необходимости, при посредствѣ котораго Липпсъ сводитъ сущность понятія къ суждению.

Традиционное учение о законахъ мышленія въ изложеніи Липпса существенно измѣняется. По его мнѣнію законы тожества, противорѣчія, исключенного третьаго и достаточного основанія представляютъ или тавтологію или же простое описание тѣхъ отношеній, которые составляютъ сущность сужденій. Такой взглядъ является у Липпса послѣдовательнымъ выводомъ изъ его теоріи сужденій. Это наиболѣе ясно обнаруживается на законѣ противорѣчія. Если принять во вниманіе, что сущность сужденія опредѣляется, какъ сознаніе невозможности замѣны предиката Р ему противорѣчащимъ не-Р, то формула закона противорѣчія «S, которое есть Р, не есть не-Р» оказывается лишь описаніемъ сущности акта сужденія. Липпсъ признаетъ лишь одинъ законъ мышленія, состоящей въ законосообразности самого мышленія. «Законосообразность мышленія есть постоянство и послѣдовательность. Она существуетъ въ томъ случаѣ, если при одинаковыхъ предположеніяхъ должно быть мыслимо одинаковое, если изъ равнаго для мышленія вытекаетъ равное, или если одинаковые основанія имѣютъ для сознанія одинаковыя слѣдствія» (стр. 192).

Проблема причинности получаетъ у Липпса весьма своеобразную и остроумную разработку. Вообще теоріи причинности и индукціи являются наиболѣе цѣнными и законченными отдѣлами его труда¹⁾. Источникомъ понятія причины является объектив-

¹⁾ Къ сожалѣнію, Липпсъ излагаетъ теорію причинности въ разныхъ мѣстахъ своего сочиненія, по частямъ (главы XI, XX, XXI, XXXII), вслѣдствіе чего послѣдовательность развитія его теоріи ускользаетъ отъ вниманія читателя.

ная необходимость осуществляющаяся въ материальныхъ сужденияхъ, т.-е. сужденияхъ, связанныхъ съ сознаниемъ объективной дѣйствительности мыслимыхъ объектовъ. Въ этихъ сужденияхъ, какъ и во всѣхъ вообще субъектъ служитъ основаниемъ мыслимости предиката. Но такъ какъ особенностью материальныхъ суждений является сознаніе объективной дѣйствительности или реальности мыслимаго, то въ этомъ случаѣ субъектъ служить не просто основаниемъ, но *реальнымъ основаниемъ* предиката. Эти реальные основанія могутъ быть двухъ родовъ. Они имѣютъ субъективный характеръ, коль скоро они зависятъ отъ случайного хода нашего познанія, т.-е. если являются основаніями лишь въ томъ или иномъ психически опредѣленномъ актѣ мысли (психологическій субъектъ). Но они являются также объективно необходимыми, если не случайный ходъ познанія, а тѣ или иные объекты заставляютъ насъ переходить отъ основанія къ слѣдствію. Такое принужденіе можетъ быть лишь результатомъ опыта. Оно дается намъ въ связи одновременного или предыдущаго и послѣдующаго. Эта связь обладаетъ безусловною объективною необходимостью. Мы не можемъ измѣнять эту связь, напр., переходить мыслью отъ послѣдующаго къ предыдущему, не теряя вмѣстѣ съ тѣмъ сознанія объективной дѣйствительности мыслимаго. Такого рода объективно - необходимое основаніе и есть *реальное основаніе вещи или причина*. Липпсъ категорически отрицаетъ пониманіе 'причины, какъ чего-то производящаго или творящаго. По его мнѣнію такое пониманіе представляетъ произвольную аналогію, такъ сказать антропоморфизацію объектовъ опыта. Кроме того оно нисколько не выясняетъ сущности вопроса; ведь сущность перехода такой «творящей» причины въ производимое слѣдствіе остается по прежнему неясной; это та же непонятная смежность, что и временная послѣдовательность. Но не всякая связь одновременного или предыдущаго и послѣдующаго есть причинная связь. Подъ этою послѣднею слѣдуетъ понимать лишь законосообразное отношеніе объектовъ во времени, т.-е. такую временную связь, которая выражаетъ постоянный и необходимый законъ. Липпсъ предостерегаетъ отъ представлениія этой необходимости или закона, какъ чего-то находящагося въ самихъ вещахъ. Въ дѣйствительности этотъ законъ дается намъ лишь въ нашемъ же чувствѣ долженствованія или, какъ удачно выражается Липпсъ, въ чувствѣ «тщетнаго противодѣйствія» (Ver-

gebliche Widerstreben). Суждение «А есть причина В» есть сознание необходимости мыслить объективно действительное А при данности объективно действительного В. Въ сущности законъ причинности [есть общая законосообразность нашего мышления въ примѣненіи къ эмпирическимъ сужденіямъ. Объективно необходимыя связи чего-либо объективно действительного, составляющія причинныя отношенія, осуществляются прежде всего въ воспріятіяхъ, а черезъ посредство воспріятій въ воспоминаніяхъ и ассоціаціяхъ. Однако воспріятія и ассоціаціи, понимаемыя какъ простые психологические факты, не создаютъ сами по себѣ закона причинности. Ассоціація СF, сознаваемая, какъ частный случай, не доказываетъ еще существованія связи С и F, какъ общаго и необходимаго закона. Сознаніе *общности* является впервые лишь вслѣдствіе общей законосообразности мышления. Этотъ переходъ отъ частнаго къ общему происходит благодаря тому, что представление связи этого *единичноаго* С съ этимъ *единичнымъ* F превращается нашимъ мышлениемъ въ представление связи *такихъ* С съ *такими* F. Такимъ образомъ всякая единичная ассоціація дѣлаетъ возможнымъ существованіе общаго сужденія. Однако этой возможности недостаточно для того, чтобы такое общее сужденіе получило бы обязательность для нашего опыта. Необходимо еще сопоставленіе ассоціації СF со всѣми другими данными опыта и обусловленными имъ ассоціаціями. Необходимо устраниТЬ противорѣчіе между возможнымъ общимъ суждениемъ СF и такими же ему противорѣчащими С не-F. Вообще общія реальныя основанія эмпирическихъ фактovъ, имѣющія объективное значеніе, получаются лишь «путемъ взаимодѣйствія противорѣчащихъ ассоціацій или эмпирическихъ суждений. Двигателемъ при этомъ всегда служитъ противорѣчіе». Законъ причинности получаетъ различное видоизмѣненіе, смотря по тому, къ чemu относится объективно-необходимая связь, мыслимая въ этомъ законѣ—къ различіямъ объектовъ и ихъ измѣненіямъ, или просто къ ихъ бытію. Иными словами закону причинности подчинены бытіе вещей, ихъ различіе и измѣненія.

Какъ выводъ изъ закона причинности, Липпсъ устанавливаетъ законъ *непрерывности*, согласно которому всякая длительность или измѣненіе бытія должны быть мыслимы, какъ непрерывныя. О существованіи этой непрерывности мы не можемъ судить по нашимъ воспріятіямъ; мы можемъ требовать ее лишь

нашю мыслю и именно на основаніи закона причинности. Законъ непрерывности Липпсъ доказываетъ невозможностью мыслить длительность или измѣненіе бытія состоящими изъ раздѣльныхъ моментовъ бытія или изъ отдѣльныхъ актовъ абсолютно внезапнаго измѣненія. Предположеніе обособленнаго момента абсолютно внезапнаго измѣненія заставляло бы насъ мыслить это измѣненіе происшедшими безъ непосредственно предшествующей причины. Въ самомъ дѣлѣ представлениe *внезапнаго* измѣненія заставляетъ насъ мыслить такой непосредственно предшествующій моментъ времени, когда этого измѣненія совершенно не существуетъ. Но такой моментъ времени не можетъ мыслиться какъ причина совершившагося измѣненія, такъ какъ по закону причинности всякое измѣненіе требуетъ, какъ своего обоснованія, непосредственно предшествующаго измѣненія. Такимъ образомъ мы можемъ мыслить безъ противорѣчія съ закономъ причинности лишь непрерывный ростъ измѣненія, заключающій измѣненіе въ каждый математическій моментъ времени.

Законъ непрерывности, если мы не ошибаемся, впервые формулируется, какъ логическій законъ. Признаніе его имѣетъ крайне важное обще-философское значеніе. Онъ можетъ послужить непоколебимымъ обоснованіемъ, какъ гносеологического, такъ и метафизического монизма. Если, какъ утверждаетъ Липпсъ, мы должны мыслить дѣйствительность непрерывной, то тѣмъ самымъ мы принуждены ее мыслить, какъ видоизмѣненіе одной и той же сущности. Признаніе въ мірѣ двухъ или болѣе совершенни различныхъ началъ съ этимъ закономъ несовмѣстимо. Всякій дуализмъ необходимо предполагаетъ разрывъ или скачокъ между двумя по роду различными сущностями. Такимъ образомъ единство сущаго и единство познанія являются неизбѣжнымъ выводомъ изъ этого принципа. Само собою разумѣется, что законъ непрерывности можетъ имѣть весьма большое значеніе и для частныхъ метафизическихъ вопросовъ. Установленный Лейбницемъ *lex continui* получаетъ въ немъ чисто логическое подтвержденіе. Съ точки зрењія этого же закона не можетъ быть рѣчи о возникновеніи или уничтоженіи какого бы то ни было индивидуального бытія. Законъ непрерывности допускаетъ лишь наростаніе и уменьшеніе реальности, но не превращеніе ея въ небытіе, что неизбѣжно было бы скачкомъ или разрывомъ сплошности. Примѣня я эту точку зрењія къ вопросу

о бессмертії, мы опять получаемъ подтверждение Лейбницевской теоріи свертыванія и развертыванія монадъ (*involutio et evolutio*)¹⁾.

Индукцію Липпсъ опредѣляетъ, какъ построеніе общаго сужденія изъ единичныхъ или построеніе болѣе общихъ сужденій изъ менѣе общихъ. Окончательной задачей индукціи является построеніе родовыхъ сужденій. Возможность индукціи выводится Липпсомъ изъ сочетанія опыта съ общую закономѣрностью мышленія. Здѣсь мы встрѣчаемся съ тою же особенностью мышленія, съ которой мы уже познакомились при выведеніи понятія причины. Эта особенность состоитъ въ возможности построенія общаго сужденія на основаніи единичнаго. Сужденіе F есть С превращается при этомъ въ сужденіе «всѣ такие F суть такие С». Въ этой возможности и заключается все гносеологическое обоснованіе индукціи.

«Если бы единичныя сужденія,—говорить Липпсъ,—сами уже не были родовыми, то изъ нихъ никогда бы не могли произойти родовыя». Однако такія потенциальная родовыя сужденія являются сначала лишь логически возможными. Ихъ правоспособность въ сферѣ знанія утверждается лишь по мѣрѣ устраненія противорѣчій съ другими сужденіями. «Слѣдовательно, индукція задается цѣлью такъ преобразовать единичное сужденіе, чтобы его естественное притязаніе быть въ то же время общимъ сужденіемъ могло сохраняться безъ такого противорѣчія». Для достиженія этой цѣли существуетъ два общихъ метода: *детерминація* и *редукція*. Детерминація состоитъ въ соизвестіи предполагаемыхъ эмпирическихъ сужденій С есть F съ другими данными опыта и въ дополненіи С тѣми или иными добавочными опредѣленіями. Опредѣленія эти вынуждаются всѣми противорѣчивыми связи С и F случаямиъ, т.-е. когда С оказывается связаннымъ съ не—F (отрицательныя инстанціи). Противорѣчие устраняется при этомъ тѣмъ, что С получаетъ какое-нибудь новое ближайшее опредѣленіе. Такимъ образомъ детерминація расширяетъ содержаніе С, но уменьшаетъ его объемъ. Редукція представляетъ обратный методъ. Ея цѣлью является опредѣленіе тѣхъ элементовъ С, которые могутъ отсутствовать.

---

1) Конечно, законъ непрерывности могъ бы въ одинаковой мѣрѣ служить обоснованіемъ материалистического монизма, но о возможности этого міросозерцанія едва ли можетъ быть рѣчь въ современной философіи.

При этомъ определеніи главное значеніе имѣютъ положительные инстанціи опыта, т.е. тѣ случаи, когда С является основаніемъ F, несмотря на выдѣленіе изъ него тѣхъ или иныхъ элементовъ. Редукція, выдѣляя изъ содержанія С все излишнее содержаніе, увеличиваетъ его объемъ и дѣлаетъ индукцію болѣе общею. Всякая индукція заключаетъ въ себѣ дедуктивные моменты, поскольку она испытываетъ предполагаемое общее сужденіе, примѣняя его къ частнымъ опытамъ. Всякое такое примененіе, разсматриваемое само по себѣ, есть всегда дедуктивное умозаключеніе, а именно силлогизмъ.

Въ этомъ пунктѣ точка зрѣнія Липпса вполнѣ совпадаетъ съ теоріей индукціи Зигварта, который видитъ сущность индукціи именно въ этомъ дедуктивномъ оправданіи гипотетическихъ общихъ сужденій. Впрочемъ терминологія Зигварта и Липпса по отношенію къ теоріи индукціи имѣетъ существенное различие. Зигвартъ тоже видитъ въ основѣ индукціи редукцію, но подъ этой послѣдней онъ разумѣеть общій процессъ оправданія общаго сужденія на основаніи частныхъ. Редукція по Зигварту есть вообще построеніе силлогизма или нахожденіе общей посылки по данному заключенію и другой посылкѣ. Подобно Липпсу, Зигвартъ выводить возможность индукціи изъ общаго постулата, что все единичное есть всегда случай общаго правила¹⁾. Поэтому каждый частный случай есть какъ бы намекъ на это общее правило. Задачей индукціи является оправданіе этого общаго правила на основаніи эмпирическихъ данныхъ. Индукція съ этой точки зрѣнія есть гипотетической методъ, отыскивающей такія общія положенія, изъ которыхъ эмпирически данное вытекало бы, какъ изъ общаго закона²⁾. Какъ у Зигварта, такъ и у Липпса повторность опыта не играетъ никакой роли въ индуктивномъ процессѣ. Логическая общность сужденій совершенно не зависитъ отъ числа случаевъ и предполагается каждымъ единичнымъ эмпирическимъ сужденіемъ. Оправданіе общаго сужденія также не зависитъ отъ числа отрицательныхъ или положительныхъ инстанцій, но лишь отъ такой ихъ варьировки, которая исчерпывала бы всѣ возможныя сочетанія обстоятельствъ разсматриваемаго случая. Родовое эмпирическое сужденіе «С

¹⁾ См. Sigwart. Logik 1893, т. II, стр. 427.

²⁾ Тамъ же, стр. 429.

есть F» лишь тогда получаетъ полную достовѣрность, когда мы имѣемъ возможность убѣдиться, что въ содержаніе С входятъ всѣ предшествовавшія или одновременные F обстоятельства, могущія разсматриваться какъ причина F. Но въ дѣйствительности такого убѣжденія никогда не можетъ быть. Мы никогда не можемъ быть увѣрены, что нашъ опытъ улавливаетъ безусловно всѣ элементы, служащіе реальнымъ обоснованіемъ F. Поэтому, по мнѣнію Липпса, съ логической точки зрѣнія родовая сужденія, полученные путемъ индукціи, всегда остаются проблематическими сужденіями. Они являются достовѣрными лишь въ предѣлахъ нашего опыта (стр. 287 и 288).

Какъ мы уже указывали, Липпсъ не устанавливаетъ въ своей логикѣ какой-нибудь вполнѣ опредѣленной гносеологической точки зрѣнія. Если онъ въ своемъ введеніи признаетъ міръ вещей въ себѣ непознаваемымъ (стр. 17), то это, въ догматической формѣ высказанное, положеніе получаетъ весьма условное значеніе при сопоставленіи съ другими его взглядами, напримѣръ, съ признаніемъ законосообразности міра вещей въ себѣ и съ пониманіемъ опыта, какъ обнаруженія этой законосообразности (стр. 17 и 295). Очевидно, что разъ опытъ понимается, какъ нѣкоторая передаточная инстанція между міромъ вещей въ себѣ и познающимъ субъектомъ, строгость имманентно-монистической точки зрѣнія неизбѣжно должна нарушиться. Весьма естественно поэтому, что Липпсъ признаетъ возможность метафизики, какъ міросозерцанія, находящагося въ нѣкоторой зависимости отъ опыта (стр. 295). Вообще, поскольку Липпсъ ставить основнымъ принципомъ мышленія объективную обусловленность, что у него равносильно обусловленности со стороны опыта, его логика можетъ рассматриваться какъ составная часть эмпирической теоріи познанія. Этому вполнѣ соответствуетъ психологический характеръ его изслѣдованія, отклоняющій Липпса отъ точки зрѣнія критицизма. Въ концѣ концовъ единственнымъaprіорнымъ принципомъ познанія является у Липпса законосообразность мышленія, стремящаяся всюду установить незыблемый закономѣрный порядокъ. Но настаивая на принадлежности этой законосообразности исключительно познающему духу, Липпсъ въ то же время всюду признаетъ ея связь съ опытомъ и зависимость отъ опыта. Вообще автономность законосообразности мышленія оказывается иллюзорной во всѣхъ сферахъ эмпириче-

скаго познанія. Это всего яснѣе обнаруживается въ индукціи. Хотя общая форма эмпірическаго сужденія и порождается по поводу всякой эмпірической ассоціації одною только закономърностью мышленія, но на этой первоначальной стадіи своего возникновенія она является лишь возможной. Такое общее сужденіе не имѣетъ по существу никакого познавательного значенія, пока оно не будетъ оправдано другими инстанціями опыта. Но и самыи опытъ никогда не можетъ дать намъ абсолютнаго убѣжденія, что въ немъ исчерпаны всѣ комбинаціи условій, оправдывающія или отрицающія то или иное родовое сужденіе. Въ результатахъ всякое эмпірическое обобщеніе обладаетъ лишь относительной незыблемостію, а именно въ предѣлахъ нашего опыта. Здѣсь мы опять встрѣчаемся съ весьма характерною для гносеологического эмпіризма наклонностію къ скепсису.

Но, не смотря на свою гносеологическую неопределеннность, логика Липпса представляетъ въ общемъ весьма стройную и послѣдовательную теорію. Если нѣкоторыя обще-гносеологическія понятія, какъ, напр.,aprіорность и субъективность сужденій, являются у него недостаточно выясненными, то въ сферѣ специально логическихъ характеристикъ и определеній мысль Липпса отличается чрезвычайною ясностью, отчетливостью и убѣждающею силой. Во многихъ случаяхъ Липпсъ значительно упрощаетъ традиціонное учение и даетъ болѣе изящное разрешеніе логическихъ проблемъ. Съ этой точки зренія его трудъ можетъ имѣть весьма большое дидактическое значеніе. Однако, прежде чѣмъ войти въ учебную литературу, его взгляды должны подвергнуться нѣкоторой переработкѣ. Отвлеченое и до крайности сжатое изложеніе Липпса, лишенное какихъ бы ни было поясненій и конкретныхъ примѣровъ, дѣлаетъ его сочиненіе совершенно недоступнымъ для учащихся. За то для составителей учебниковъ и для преподавателей «Основы логики» Липпса могутъ послужить очень цѣннымъ, способствующимъ уясненію предмета руководствомъ.

С. Аскольдовъ.